Третий день второго экзамена

Хината крепко сжимала в руках свой кунай - хенге Каге Буншин; ее дыхание участилось, когда она попыталась встать со своего места на лесной подстилке. Однако попытка оказалась тщетной.

Она была слаба. Жалко, правда. Так всегда говорил ее отец, и это мнение разделяли почти все, кто жил в священных залах резиденции ее клана.

Ее Дзюкен был беден.

Ее Бьякуган был неэффективен - ее мастерство владения легендарными додзюцу клана Хъюга было ничтожно мало.

Ее эмоции сделали ее мягкой, сделали ее слабой.

Она никогда не сможет стать главой клана или даже авторитетным шиноби, как бы она ни старалась, как бы долго ни тренировалась, сколько бы раз ни поднималась на ноги после изнурительных тренировок, сколько бы раз ни пыталась преодолеть свои скромные пределы.

Она всегда будет слабой.

Вот только теперь, в этом ужасном месте, за это наказывали не только ее. Ее едва функционирующий Бьякуган означал, что ей даже не нужно было поднимать голову, чтобы увидеть своих товарищей по команде, тяжело дышащих, но мужественно стоящих перед ее упавшей формой - защищая ее от двух шиноби Кусагакуре, которые напали на них.

И какими страшными шиноби они были. Хината почти не верила, что они были генинами.

Тот, что стоял слева, разнес ее в щепки. На вид ниндзя было около пятнадцати лет, и одет он был в форму, в которую была одета вся его команда: свободная бежевая рубашка и черные боевые штаны. Он выглядел невероятно простым и обычным, с черными волосами, коротко и аккуратно подстриженными, без какого-либо оружия или снаряжения.

Так было до тех пор, пока он не присел на четвереньки и не бросился на Хинату со скоростью, за которой она едва успевала следить глазами, и не обрушил на нее шквал звериных тайдзюцу, которые она не смогла ни предугадать, ни опередить. Она уклонялась, где могла, и даже смогла нанести несколько ответных ударов в яростно быстром обмене тайдзюцу, но она получала слишком много урона, и слишком быстро.

Хуже того, Шино и Киба не смогли пройти мимо второго шиноби - генина, владеющего катаной, одетого так же, но с седыми волосами длиной до плеч и молочно-белыми глазами, свидетельствующими о слепоте. Хината не смогла разглядеть его способности,

сосредоточившись на своем противнике, но когда ее враг начал сдаваться, оставив ее на полу, неспособную двигаться от боли, седовласый шиноби выглядел совершенно невредимым, в то время как ее товарищи по команде тяжело дышали, хотя внешне не пострадали.

- Ты в порядке, Хината? - Голос Кибы, нехарактерно обеспокоенный, оторвал ее от размышлений; она попыталась и не смогла пошевелиться еще раз.

- Я... я не могу двигаться... Но я не думаю... я имею в виду, что я не ранена смертельно.

- Это можно исправить.

Голос шиноби, владеющего катаной, ворвался в их разговор, монотонный и беззвучный; и он начал идти к команде 8, даже несмотря на звериный рык Кибы.

- Черта с два, придурок! Шикакю но дзюцу! (Метод Ниндзя имитации зверя: Техника четвероногого)

Шиноби Кусагакуре бесстрастно наблюдал, как мальчик Инузука прыгнул без раздумий.

Он был неполноценным. Еще один неполноценный противник.

Он едва не вздохнул вслух от того, насколько разочаровывающим было это предприятие. Не то, чтобы он когда-либо говорил об этом своему господину. Он прекрасно знал, к каким последствиям может привести жалоба Орочимару-сама на свои миссии. Нет, он сделает то, о чем его просили, и прольет как можно больше крови Конохи в этом лесу, прежде чем сбежать из деревни. Его учитель предсказывал, что к концу этого испытания Коноха поймет, что они не являются настоящими Куса-генинами, и поэтому продвижение на самом экзамене, чтобы убить еще больше под видом экзамена, будет невозможным.

Кроме того, они все равно вернутся через несколько месяцев, и в тот день у него будет столько жертв, сколько он пожелает.

Однако это не означало, что он был удовлетворен той скудной добычей, которую уже успел добыть в лесу. Его хозяин послал его пролить кровь, и он радовался возможности сделать это во имя Змеиного Саннина; и он уже зарубил несколько слабых генинов в этом лесу. Но на самом деле ему нужен был кто-то достойный, кто-то, кто заслуживал бы чести присоединиться к нему и его хозяину, кто-то достаточно сильный, чтобы заслужить привилегию его компании на вечные времена.

Но все, что он нашел, было мусором.

Команда Конохи, стоявшая перед ним, явно была на голову выше всех генинов в лесу. Это показала защита девушки от атаки тайдзюцу его товарища по команде. Он использовал чакру,

чтобы значительно превысить пределы своей физической подготовки и атаковать настоящим штормом ударов, усиленных чакрой, и даже тогда девушке удалось сдерживать его в течение впечатляющего количества времени.

Он не мог видеть их - никого из них, но он мог чувствовать их. Он чувствовал их возможности, их силу. Они были достаточно сильны.

Но они не были достаточно сильны.

Он даже не моргнул, когда Инузука был ослеплен анимилистическим зарядом своего товарища по команде, который, по иронии судьбы, как он понял из бессмысленных разговоров мужчины, пока они искали жертв, использовал стиль боя, возникший из попытки подражать дзюцу и манере боя Инузуки. Он тоже использовал чакру, чтобы увеличить скорость и силу, и основывал свои движения на движениях волка. Если бы его меньше волновали навыки тех, кто слабее его, он мог бы найти это интересным поединком.

А так, все, что он заметил, это неясный фоновый шум борьбы слабых со слабыми. Звуки ударов, которые приземлялись и блокировались, тяжелый шум боя - все это было почти полностью отключено. Их бой был ниже его внимания. Он начал подходить к оставшемуся в живых шиноби Конохи, который стоял со стоическим напряжением, наблюдая за его приближением. Он не почувствовал страха, хотя и не мог его видеть, но лишь некоторое напряжение в его чакре, которое выдавало его состояние настороженности по отношению к случайным движениям шиноби с катаной.

- Ты здесь не за нашими свитками. - Голос мальчика был резким, слегка гнусавым, и в нем слышалось легкое жужжание, настолько тонкое, что могло показаться, что это было лишь воображение.

- Нет. Мы здесь ради вашей крови, а затем ваших жизней. - Пауза, во время которой двое ниндзя стояли друг напротив друга, казалось, создала тишину, затмившую шум битвы вокруг них. - Вы напряжены. Это пугает тебя?

- Ваше восприятие, для человека с ослабленным зрением, является исключительным. Но, отвечая на твой вопрос, нет. Абураме не боится смерти, когда сражается за своих союзников. В конце концов, муравей должен быть готов умереть ради общего блага улья, чтобы защитить королеву.

- Тот, кто не боится умереть... - Он мягко улыбнулся. Мальчик Абураме был слаб, но его решимость была лучше, чем у всех тех отбросов, которых он убил во имя Орочимару до сих пор. Возможно, его стоит оставить. - Покажи мне эту решимость, когда ты испустишь свой последний вздох, страдая от боли и одиночества. Покажи мне, что ты действительно не боишься холодных объятий смерти - и я дам тебе награду, превосходящую твои самые смелые фантазии. Я покажу тебе бессмертие.

Девушка метнула кунай прямо ему в глаза, и, когда она окончательно потеряла сознание от

усталости, оружие исчезло в пологе над головой, он лениво наклонил голову в сторону.

Медленно он достал свою катану. Пришло время покончить с их жизнями, как велел Орочимару.

В конце концов, это была прихоть его хозяина, и его целью было обеспечить выполнение целей своего господина.

http://tl.rulate.ru/book/40002/1630386